

УДК 82-31

ПРОВОКАЦИЯ ИМЕНЕМ:
ОСОБЕННОСТИ ПРОВОКАТИВНОГО
ИМЯНАРЕЧЕНИЯ
В РОМАНАХ Л. АНДРЕЕВА И И. ЭРЕНБУРГА

Икитян Людмила Нодариевна,

к. филол. н., научный редактор издательства «Аналитика-Родис»,

(г. Армянск, РФ);

e-mail: ludmilkatiran@mail.ru

Автор статьи разрабатывает проблему художественного ономастикона на материале итогового романа Л. Андреева «Дневник Сатаны» (1919) и первого романа И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921). В статье художественная номинация главных героев рассматривается как один из способов провокативной организации художественного текста.

Ключевые слова: *русский роман первой трети XX века, художественная провокация, художественная номинация (антропонимы), Л. Андреев, И. Эренбург.*

*Можно шутить с человеком,
но нельзя шутить с его именем.*

Марина Цветаева

Из множества средств и приёмов провокативной организации текста, возможно, наиболее воздействующим на читателя является способ «дразнящей» художественной номинации. В силу того, что имя персонажа – первый сигнал к постижению его сути, именование героев находится в авангарде важнейших поэтологических средств. Процесс имянаречения всегда преследует определённую художественную цель, а её достижение иногда предполагает решение довольно специфичных задач, таких, например, как авторское провоцирование. Заметим, что стратегия провокативной номинации далека как от «крещения» героев говорящими именами (излишне прямолинейным наследием литературы Просвещения), так и от нарочито благозвучного ономастикона прозы сентиментализма. Набирая силу в литературную эпоху, впервые по-настоящему демократизировавшую принцип творчества, раскрепостившую диалог автора с читателем, эта стратегия представила публике массу смелых экспериментов вплоть до откровенного литературного хулиганства. Речь о начале XX века, первой его трети, и в центре нашего исследования итоговый роман Леонида Андреева «Дневник Сатаны» (1919) и первый роман Ильи Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1921).

Ономастические единицы Андреева и Эренбурга ещё не стали предметом широкой научной рефлексии: в силу того, что эти знаковые фигуры литературного процесса XX века так и не обрели в нём «устойчивого» статуса [5, с. 5], многие аспекты поэтики их текстов находятся, что называется, в режиме ожидания. Представляя наши наблюдения над антропонимами у этих авторов в свете особой провокативной специфики их функционирования, полагаем их началом объёмного научного изучения ономастикона писателей.

Яркий провокативный принцип положен прежде всего в основу именованного центрального героя романа Ильи Эренбурга. Полное название произведения содержит много имён, но всё действие и деятельность других персонажей, означенных учениками, концент-

рируется вокруг «провокаatora с мирной улыбкой» [10, с. 220], имя которому Хулио Хуренито. Герой-иностранец – изначально особый персонаж. Созданию соответствующего «экзотического» колорита Мексики (родины Хуренито) служит и полное имя героя – Хулио-Мария-Диего-Пабло-Анхелина. Упоминание дополнительных, так сказать, «крестильных» имён в романе единично, для постоянного именованя героя используется двучленная антропонимическая модель «имя+фамилия». Именно она производит на русскоязычного читателя особое воздействие, гораздо большее, чем все составляющие полного имени героя. Антропоним *Хулио Хуренито* с удвоенным начальным «ху» производит специфичный фонетический эффект, позволяющий утверждать, что в заглавии одной из величайших книг XX столетия «слышится не очень скрываеый хулиганский мат» [4, с. 345]. Звуковой облик имени создаёт прямые ассоциации, довольно ясно определяя специфику авторской провокации [2]. Прозрачность заключённого в столь фривольном именовании намёка у некоторых вызывает даже упрёк: «приличный писатель назвал бы своего героя менее вызывающе» [Там же]. Если бы создатель романа о Хулио Хуренито мог парировать автору этого упрёка, то, скорее всего, апеллировал бы к распространённости имени «Хулио» в регионе, откуда родом герой¹, его «благородных» латинских корнях (от Юлиан) и прочее. Однако в эти сугубо гипотетические разъяснения Эренбург пустился бы, несомненно, с изрядной долей иронии, прекрасно понимая, насколько провокативной для рафинированной публики является такая «огласовка» имени его персонажа².

При этом в номинации центрального героя романа Эренбурга некоторыми усматривается и сакральная проекция заглавных букв «Х» его имени и фамилии на прозвище Иисуса – Христос (др.-греч. Χριστός) – „помазанник“ [см. 6]. Эта проекция, конечно же, пародийная, однако следует признать, что «сниженное» имя провокаatora Хуренито «обратно пропорционально» его миссии великой повитухи истории [10, с. 220]. Подобным образом, то есть с самым широким спектром диаметральных ассоциаций, соотносится сокращённое имя кардинала Х. (героя романа Л. Андреева «Дневник Сатаны») с его высоким церковным статусом. С одной стороны,

инициал «Х» в имени андреевского персонажа указывает на его принадлежность к церкви Христовой; с другой, – в нём указана полная профанация учения Христа, перечёркивание, подобно букве «Х». «Обезьянье» обличье кардинала («старая бритая обезьяна») заставляет думать о «перевернутой» низово-комичной проекции Божьего лика в фигуре Его Высокопреосвященства, соотносимой с образом дьявола – «обезьяной Бога» (Ириной Лионский).

Христианские аллюзии находят также во втором «компоненте» полного имени Хулио Хуренито – *Мария*. Отсылка к образу Богоматери – тот религиозный компонент, что в сочетании с сатирой признаётся, во-первых, предельно удачным³, во-вторых, успешно тиражируемым: имя героя Ильфа и Петрова Остап-Сулейман-Берта-Мария-Бендер-бей некоторыми считается прямой цитатой из Эренбурга [3]. Нам такая трактовка представляется несколько искусственной, по крайней мере, относительно текста Эренбурга. Этот нюанс именования не авторский ход, а дань традиции имянаречения в Испании и испаноязычных странах Латинской Америки, где имя Мария входит в подавляющее число полных имён, причём как девочек, так и мальчиков [см. 8]. Для нашего героя это ещё и привязка к дате его рождения – 25 марта, день празднования католиками Благовещения Пресвятой Богородицы. Возможно и вовсе тривиальное основание: полное имя человека, послужившего прообразом Хуренито, художника Диего Риверы, также имеет этот компонент (Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусено Эстанислао де ла Ривера и Баррьентос Акоста и Родригес).

Концептуальную нагрузку, не меньшую, чем звуковой облик имени Хулио Хуренито, имеет и семантика всех составляющих сложного именного комплекса, расшифровка которого требует от читателя прозорливости и способности преодолеть слишком прямые звуковые ассоциации. Последние три имени полного «крестильного» онима героя, на наш взгляд, находятся в последовательном соподчинении смыслов, конкретизирующих амплуа героя – мудрого и одновременно курьёзного провокатора. Имя *Диего* (исп. От Иаков – „учение“, „доктрина“) вполне согласуется с философствованием Учителя (Диего переводится и как „преподаватель“), с развёрнутой системой его подстрекательски распалюющих суждений о са-

мых разных предметах, старательно перечисленных автором в полном названии романа. При этом герой не претендует на доктринёрство и наставничество [10, с. 219–220], его непритязательность и даже самоумаление закреплено в имени *Пабло* – „малый“. Однако нельзя не отметить провидческий характер умозаключений героя, на «вестническую» миссию которого указывает имя *Анхелина* (Ангел с др.-греч. „вестник“).

Наиболее своеобразно в контексте романа Эренбурга «работает» семантика основного имени заглавного героя. Значение антропонима *Хулио* „кудрявый“ раскрывает одну из деталей внешности этого персонажа, поразившего посетителей парижского кафе своими «жёсткими, густыми завитками волос, как у негра» [10, с. 224]. Художественное обыгрывание этой портретной детали показательно: «кудрявость» Хуренито весьма специфичная частность внешнего вида героя, сводимая к значимым концептуальным обобщениям. Крутые завитки волос иностранца под загадочной шляпой-котелком чудятся дьявольскими ружками. Их реальность настолько велика, что фантазия героя, впервые увидевшего Хуренито, дорисовывает и хвост, который, по его мнению, обязательно должен скрываться под широким плащом. Сочетание в облике новоявленного «чёрта» анатомических особенностей (пусть и кажущихся рогов и хвоста) и одежды, призванной прятать их от посторонних глаз, тоже показательно. В абрисах оно зеркально повторяет описание гоголевского чёрта («Ночь перед Рождеством») – совершеннейшего «немца», то есть чужака-иноземца, или губернского стряпчего в мундире с острыми и длинными фалдами. Эти детали портрета упрочивают потустороннюю «типичность» персонажей, к сожалению, не добрых ангелов-вестников, а демонов-плутов.

Подобным эренбургскому провокатору с «ружками», несущему суровое знание о мире, предстаёт главный герой написанного тремя годами ранее романа «Дневник Сатаны» Леонида Андреева. Тщательная маскировка inferнальной сущности этого обладателя уже не кажущихся, а реальных рогов и хвоста, на наш взгляд, нашла отражение в «человеческом» имени сатаны, доставшемся ему вместе с телом умершего американца-филантропа Генри Вандергуда. Имя героя *Генри* (от Генрих) в своём значении – „богатый

домовладелец“, „глава в доме“, „властелин двора“ – подтверждает «статус» владельца многомиллиардного состояния. Однако, на наш взгляд, для Андреева предпочтительным это имя было в силу его принадлежности к западной культуре и, как в вышеупомянутых случаях, актуализированному в нём компоненте «чужеродности». В дореволюционной России имя Генрих воспринималось исключительно как иноземное, его обладателями были лишь выходцы из иностранных семей. Укрепляло «чужость» этого имени и то, что оно не имело православных именин⁴. Его чужеземная маркированность, очевидно, осознавалась и Андреевым, неслучайно давшим имя Генрих главному герою своей пьесы «Собачий вальс» (1916) – обрусевшему шведу.

Относительно фамилии *Вандергуд* сложно с уверенностью утверждать, что, работая над ней, Андреев имел точное представление о значении слов, входящий в её состав. Писатель не знал иностранных языков, написание имени главного героя по-английски в тексте не предусмотрено, а публикация в Лондоне и Нью-Йорке переведённого на английский язык романа, осуществлённая уже после смерти писателя, могла не отражать в точности замысла автора. Поэтому отчётливо слышимое сочетание слов *wonder* – „чудо“ и *good* – „хорошо“ и соответствующее этому англоязычное написание фамилии героя [см. 11]⁵, хотя и отражает основную коллизию романа, где князь тьмы из мизантропа-насмешника «преобразился» в провидца судеб человеческих, всё же чисто гипотетические.

Оним Вандергуд реминисцентный [см. 9]: автор использовал имя прототипа – Альфреда Вандербилта (*Vanderbilt*)⁶, оставив без изменения больше половины фонем прецедентной фамилии и её слоговую структуру. Начальные два слога фамилии американца могли ассоциироваться у Андреева с известным ему до работы над романом именем бельгийского общественного деятеля Эмиля Вандервельде (*Vandervelde*), фигуру которого, наряду с другими, автор воплотил в пьесе «Король, закон и свобода» (1914)⁷. Как видим, оригинальная графика этих антропонимов не содержит компонента *-wonder-* (чудо). Его наличие обнаруживают ошибочно из-за созвучия с компонентом *-vander-*, который в позиции абсолютного начала есть не что иное, как «национальная» приставка родовых именований: формант *van de/den/der* характерен для нидерландских (гол-

ландских, фламандских, бельгийских) фамилий со значением „родомиз“. Таким образом, к семантически стёртому, но узнаваемому в прецедентном антропониме «национальному» компоненту Андреев добавляет часть -гуд-, ассоциируемую прежде всего с английским good – „хорошо“. Будучи широко известными наиболее употребляемым в иноязычной среде, это слово, действительно, могло быть одним из немногих знакомых неискущённому в языках писателю. Но если исключить случайный характер художественной номинации у Андреева, то составление имени Вандергуд могло основываться на доступном автору культурно-литературном контексте. В рамках общекультурного лексикона, в качестве одного из потенциальных вариантов второй части фамилии персонажа могло выступить слово hood⁸. Русскоязычной публике оно было известно как имя собственное героя английских средневековых преданий Робина Гуда (Robin Hood), также в русской этимологии неверно соотносимое со словом good. Прозвище Hood связано с такой чертой образа благородного разбойника, как способность к ловкому одурачиванию соперников, и, как и в вышеупомянутых случаях, ориентировано на детали одевания героя в их «маскировочной» функции. Hood обозначает „скрывающий лицо головной убор (капюшон, башлык, шлем и др.)“ (to hood – „накрыть капюшоном“, в переносном смысле – „скрывать“, a hoodwink – „обманывать“, буквально „ослепить, натянув капюшон“, ср. с рус. „околпачить“)⁹. Художественное изображение ловкачей, трикстеров, плутов и провокаторов с характерными деталями одежды, маскирующими их авантюрный облик, приемлем и для вочеловечившегося сатаны, для которого необходимость сокрытия своего «я» более чем важна. Если в качестве «производной» фамилии Вандергуд принять слово hood со значением „капюшон“, „чехол“, „колпак“ и даже (значительно реже) „хохол“, то нельзя не отметить удивительного совпадения с загадочной шляпой-котелком Хулио Хуренито в его специфичном назначении! Если котелок, что скрывает рожки-кудри-хохол Хулио-чёрта, – это ирония автора, то в сопоставлении с реальным демоном у Андреева – настоящего джентльмена, коему не положено ходить без шляпы [1, с. 123] для околпачивания человечества – ирония красноречивая.

Итак, высока вероятность некой спонтанности составления Андреевым онима Вандергуд, её степень – факт, на сегодня трудно устанавливаемый. Ясно, что первая часть фамилии главного героя романа исходила из «национальной» приставки оригинального имени прототипа, по крайней мере, на начальном этапе работы над этим антропонимом; вторая часть является либо одним из ходовых английских слов *good* – „хорошо“, либо, не исключено, заимствованием из общекультурного лексикона, а именно – «калькой» имени короля разбойников из Шервуда.

Трактовка фамилии Вандергуд как перевод с английского – „что-то хорошее, прекрасное, чудесное“ с натяжкой применимо к роману, концепция которого в силу его незавершённости не ясна в деталях. При этом доля главного героя и судьбы всей Европы едва ли виделись Андрееву счастливыми, ведь в изображении писателя мир оказался на пороге разгорающейся масштабной военной провокации¹⁰. В проекции же образа Вандергуда на ловкача в «капошоне» Робина Гуда актуализируется функция героя – скрывающего своё «я» дразнителя, обманщика и провокатора, задумавшего околпачить тех, кто уже давно сам стал искусным надувалой.

Плутовство и подстрекательство составляет суть художественного существования и героя Эренбурга – Великого провокатора Хулио Хуренито. Сниженный фривольный фонетический облик его имени, с одной стороны, избличает его низовую функцию подстрекателя, а с другой, контрастирует с заключённой в дополнительных личных именах героя высокой миссией избличителя язв общества – учителя (Диего) и провидца (Анхелина). Семантические составляющие сложного именного комплекса этого героя вынуждают читателя балансировать между благородными хитрецами из народных сказаний и демоническими лукавцами-погубителями.

Инфернальность персонажей исследуемых романов Андреева и Эренбурга – один из интересных и значимых моментов косвенного их касательства, сопричастный концептуально более значимому плану, собственно провокаторской миссии героев. Высшее знание о мире людей позволяет им вступать с ним в экспериментально-провокативные отношения. Чтобы не быть узанными и разоблачёнными, героям необходим соответствующий облик, маскировочные особенности которого нашли отражение в их именах. В этом случае в имени андреевского персонажа концептуально важным ста-

новится указание на тщательно скрываемую цель героя-provokatora по околпачиванию (to hood – „накрыть капюшоном/колпаком“) человечества. Той же природы и шляпа-котелок Хулио Хуренито, деталь, на первый взгляд, исключительно ситуативная, но, как оказалось при сопоставлении с героем Андреева, имеющая типологический след и «работающая» как определённая метафора маски. Специфичное назначение котелка героя Эренбурга, маскирующего кудри-рожки (на которые указывает имя Хулио– „кудрявый“), коррелирует с частью имени героя Андреева -hood-, переводимой как „капюшон“, „чехол“, „колпак“, иногда как „хохол“.

Точных данных по «расшифровке» имён главных героев этих романов у учёных не имеется, но, возможно, лишь потому, что ономастикон в творчестве Андреева и Эренбурга слабо разработан – интерес к творческому наследию этих писателей хотя и устойчив, но не масштабен, широкой исследовательской аудитории не присущ. Оригинальность творческой ориентации, своеобразность писательской мысли этих мастеров слова обуславливают особый тип восприятия и анализа их художественного наследия. В силу этого многие аспекты поэтики, в том числе имянаречение персонажей, ждут своего исследователя. В свою очередь принципы художественного оформления именослова в творчестве Леонида Андреева и Ильи Эренбурга достойны внимания и широкой дискуссии. Приёмы работы этих авторов над номинацией героев и её «включённость» в художественный контекст (как собственный, так и мировой) видятся нам существенными и значимыми. Полагание, что в антропонимах главных героев заключён некий семантико-смысловой код, требует их дешифровки, в которой немаловажным будет авторская провокация, заключающаяся в установке на преодоление слишком очевидных и, как следствие, поверхностных ассоциаций. К изображению героев своих эпических полотен писатели подошли своеобразно, давая им провокативные, то есть будоражащие читателя имена, которые привлекают внимание своим звучанием, а значением (точным фактическим или полагаемым в высокой степени вероятности) побуждают к догадкам, обдумыванию и переосмыслению.

Примечания

¹ Имя Хулио (Julio) распространено в испаноязычных странах Латинской Америки, хотя и не входит в десятку наиболее популярных мужских имён, таких, как Alfonso, Carlos, Diego, Enrique, Felipe, Fernando, Francisco, Jose, Juan, Manuel, Miguel, Pedro и др. [8, с. 140].

² Курьёзность имени Хулио Хуренито была обыграна внимательным читателем Эренбурга – М. Булгаковым. В фельетоне «Как разбился Бузыгин» (1923) имя Хулио Хуренито носит председатель месткома. Провокативная ироничность такой номинации у Булгакова скрыта в осознании невозможности (или весьма малой вероятности) существования в Стране Советов чиновников с таким именем.

³ Многие русские писатели конца XIX – начала XX века желали, по выражению Н. Е. Каронина-Петровского, «написать что-то вроде Евангелия, книгу по всему миру...» (цит. по: Горький Собр. соч.: в 30 т. Т. 10, с. 298), что определяло специфику формы и содержания их произведений, в том числе и провокативно-плутовскую линию. Д. Л. Быков утверждает, что «...религия и сатира сочетаются отлично, ибо религия предполагает высоту взгляда, сатира без неё не может...» [3].

⁴ «Первоначально список имён был единым для всех народов, принявших христианство. Однако через несколько столетий он изменился. <...> После разделения в 1054 г. христианской церкви на Западную (католическую) и Восточную (православную) различия в составе имён были закреплены окончательно. И теперь... значительные отличия имён, принятых в Западной и Восточной Европе, объясняется прежде всего событиями, имевшими место в середине I тысячелетия нашей эры» (Суперанская А. В. Имя – через века и страны. М. : ЛКИ, 2007. – с. 22–23).

⁵ В английском литературном языке слова *wondergood* нет, оно отмечено лишь в Словаре англоязычного городского сленга в форме прилагательного со значением „что-то хорошее, прекрасное“ (Peckham A. *Urban Dictionary: Freshest Street Slang Defined*. – Kansas City, Missouri : Andrews McMeel Publishing, L.L.C, 2012. – 272 p.; То же: <http://ru.urbandictionary.com/define.php?term=Wondergood>).

⁶ Альфред Вандербильт (1877–1915) – представитель династии крупных промышленников Америки, миллиардер-филантроп; погиб в 1915 г. в результате атаки немецкой субмарины лайнера «Лузитания».

⁷ Замысел пьесы о нападении Германии на нейтральную Бельгию в 1914 году Андреев определял так: «...хочу писать военную

пьесу... Герои – ...Метерлинк, король, Вандервельде и прочее» [7, с. 254]. В окончательном варианте действующие лица, прототипами которых были бельгийские патриоты, предстанут под вымышленными именами без какой-либо привязки к прецедентным антропонимам.

⁸ Начальный [h] в русской огласовке, как правило, передаётся звуком [г]. Мы рассматриваем это слово как самостоятельное и не берём в расчёт его как формант, например, суффикс.

⁹ Имя Hood было дано герою Робу из Локсли (Локсли – город, в котором родился герой) во время турнира лучников, куда он явился хорошо замаскированным в лохмотья нищего с капюшоном на голове. Мариан, вручая Робу награду, назвала его «Robinhood» – «Роб в капюшоне».

¹⁰ См. наш доклад «Первая мировая... провокация: Великая война в романах Леонида Андреева и Ильи Эренбурга» // *Художественная антропология Серебряного века* : сб. науч. материалов Международной научной конференции (20–21 октября 2016 г., Санкт-Петербург).

Список использованных источников

1. Андреев Л. Н. *Дневник Сатаны* // Андреев Л. Н. *Собрание сочинений*: в 6 т. М. : Худож. литература, 1990. Т. 6. С. 117–246.
2. Бурьяк А. В. *Илья Эренбург как сдувшийся пузырь* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bouriac.narod.ru/PORTRAYS/Ehrenburg.htm>
3. Быков Д. Л. *Илья Эренбург* // *Дилетант*. 2012. № 6 (июнь).
4. Кантор В. К. *Метафизика еврейского «нет» в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито»* // *Русско-еврейская культура* / Отв. ред. О. В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006. С. 345–371.
5. Козьменко М. В. *Неупокоенный дух (О жизни и книгах Леонида Андреева)* : Предисловие // Андреев Л. Н. *Странная человеческая звезда...* / Сост., предисл. М. В. Козьменко. М. : Панорама, 1998. С. 5–16.
6. Николаев Д. Д. *Воланд против Хулио Хуренито* // *Вестник МГУ. Филология*. 2006. № 5.
7. *Письма Л. Н. Андреева к В. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому* // *Учёные записки Тартуского университета*. 1971. Вып. 266. С. 231–312.

8. Скрозникова В. А. Испанцы и испаноязычные народы // Системы личных имён у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 138–143.
9. Фомин А. А. Имя как приём: реминисцентный оним в художественном тексте // Вестник Уральского государственного ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2003. № 28, Вып. 6. С. 167–181.
10. Эренбург И. Г. Необычайные похождения Хулио Хуренито // Эренбург И. Г. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 1. С. 217–454.
11. Mekhasiuk S. E. Verbal and stylistic means and methods of emphasizing the expression in the novel of L. Andreyev “Satan’s Diary” // Austrian Journal of Humanities and Social Scientific journal. 2015. № 1–2. С. 161–164.

PROVOCATION NAME: FEATURES
PROVOCATIVE NAMING
IN THE ANDREYEVJS AND EHRENBURGJS NOVELS

Ikityan Lyudmila Nodariyevna,

*Ph.D. (Philology),
scientific editor of publishing house “Analitika-Rodis”
Russian Federation, Armyansk;
e-mail: ludmilkatiran@mail.ru*

The author develops the problem of artistic onomastic in the on the material of the final Andreyevjs novel a “Satan’s Diary” (1919) and the first Ehrenburgjs novel “The Extraordinary adventures of Julio Jurenito and his disciples” (1921). Art nomination of the main characters is regarded as one way of organizing provocative literary text.

Keywords: *russian novel of the first third of the twentieth century, artistic provocation, art nomination (anthroponomy), Leonid Andreyev, Ilya Ehrenburg.*

References

1. Andreev L.N. Dnevnik Satany // Andreev L.N. Sbranie sochinenij: v 6 t. M., 1990. Vol. 6. S. 117–246.
2. Bur’jak A. V. Il’ja Jerenburg kak sdvshijsja puzyr’. URL: <http://bouriac.narod.ru/PORTRAYS/Ehrenburg.htm>
3. Bykov D. L. Il’ja Jerenburg // Diletant. 2012. № 6 (ijun’).

4. Kantor V. K. Metafizika evrejskogo «net» v romane Il' i Jerenburga «Hulio Hurenito» // Russko-evrejskaja kul'tura / Otv. red. O. V. Budnickij. M., 2006. S. 345–371.

5. Koz'menko M. V. Neupokoennyj duh (O zhizni i knigah Leonida Andreeva): Predislovie // Andreev L. N. Strannaja chelovecheskaja zvezda... / Sost., predisl. M. V. Koz'menko. M., 1998. S. 5–16.

6. Nikolaev D. D. Voland protiv Hulio Hurenito // Vestnik MGU. Filologija. 2006. № 5.

7. Pis'ma L. N. Andreeva k V. I. Nemirovichu-Danchenkoi K. S. Stanislavskomu // Uchjonye zapiski Tartuskogo universiteta. 1971. Vol. 266. S. 231–312.

8. Skroznikova V. A. Ispancy i ispanojazychnye narody // Sistemy lichnyh imjon u narodov mira. M., 1989. S. 138–143.

9. Fomin A. A. Imja kak prijom: reminiscentnyj onim v hudozhestvennom tekste // Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo un-ta. Ser. Gumanitarnye nauki. 2003. № 28, Vol. 6. S. 167–181.

10. Jerenburg I. G. Neobyčajnye pohozhdenija Hulio Hurenito // Jerenburg I. G. Sobr. soch.: v 8 t. M., 1990. Vol. 1. S. 217–454.

11. Mekhasiuk S. E. Verbal and stylistic means and methods of emphasizing the expression in the novel of L. Andreyev “Satan’s Diary” // Austrian Journal of Humanities and Social Scientific journal. 2015. № 1–2. S. 161–164.